дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2011.

18. Zweig Stefan Die Wunder des Lebens. URL: http://www.gutenberg.org. (дата обращения: 04.03.2016).

* * *

1. Arhipov Ju.I. Triumf i tragedija Stefana Cvejga // Stefan Cvejg. Neterpenie serdca. Istoricheskie miniatjury. M.: Izd-vo «Pravda», 1982. S. 410–415.

2. Associativnye normy russkogo i nemeckogo jazykov / N.V. Ufimceva, I.A. Sternin i dr. M.; Voronezh: Istoki, 2004.

3. Vorkachev S.G. Pravdy ishhi: ideja spravedlivosti v russkoj lingvokul'ture: monografija. Volgograd: Paradigma, 2009.

4. Vystropova O.S. Giperbola i sravnenie kak sposoby reprezentacii individual'no-avtorskogo koncepta «ljubov'» v tvorchestve R. Bjornsa // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filol. nauki. 2013. № 1 (76). S. 92–95.

5. Dolgova I.A. Konceptual'noe pole «terpenie» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd: Peremena, 2006.

6. Zubkova Ja.V. Koncept «punktual'nost'» v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2003.

7. Kadyrova N.S. Konceptosfera romana M.A. Bulgakova «Belaja gvardija»: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Ufa, 2013.

8. Karasik V.I. Jazykovaja lichnost': perspektivy lingvisticheskoj personologii // Jazykovaja lichnost' kak predmet teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki: materialy Vseros. nauch. konf. 18–20 marta 2004 g. Tula: Izd-vo TulGU, 2004. S. 92–99.

9. Karasik V.I. Jazykovaja spiral': cennosti, znaki, motivy. Volgograd: Paradigma, 2015.

10. Karasik V.I., Krasavskij N.A., Slyshkin G.G. Lingvokonceptologija: ucheb. posobie. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2014.

11. Korovina A.Ju. Lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij snob» // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filol. nauki. 2008. № 2 (26). S. 57–62.

12. Krasavskij N.A. Individual'no-avtorskie koncepty «ljubov'» i «otchajanie» v povesti Stefana Cvejga «Pis'mo neznakomki» // Russkoe slovo. Vyp. 4. K jub. dekana filol. fak. prof. E.V. Brysinoj / pod red. E.I. Aleshhenko. Volgograd: Izd-vo CDOD «Olimpija», 2015. S. 169 – 177.

13. Krasavskij N.A. Metafora kak sposob rechevogo voploshhenija koncepta «strah» v povesti Stefana Cvejga «Strah» // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. 2015. № 1 (96). S. 119–123.

14. Makarova O.S. Metaforicheskaja realizacija individual'nogo bazisnogo koncepta «Wahrheit» v filosofii F. Nicshe // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 4 (22). Ch. 1. S. 104–106.

15. Maslova V.A. Pojet i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj. ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2004.

16. Murzinova I.A. Lingvokul'turnyj tipazh «britanskaja koroleva»: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2009.

17. Jaroshenko O.A. Jevoljucija lingvokul'turnogo tipazha «russkij intelligent» (na materiale proizvedenij russkoj hudozhestvennoj literatury vtoroj poloviny XIX – nachala XXI v.): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2011.

Concept sphere of the novel"The Miracles of Life" byStefan Zweig

Based on the novel by an Austrian writer of the first half of the XX century Stefan Zweig "The Miracles of Life",the article deals with the basic concepts – fear, love and despair. The associative, perception and figurative signs of these concepts are determined. The linguistic devices of the concepts "fear", "love" and "despair" are found out.

Key words: *concept, individual author's concept, concept sphere, metaphor, epithet, image, text, passage, novel, protagonist, lexeme.*

(Статья поступила в редакцию 15.03.2016)

В.В. БЕЛОУСОВА
(Волгоград)

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НЕОМИФОНИМОВ В ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЖАНРАХ XX–XXI вв.

Освещаются вопросы, связанные с критериями определения неомифонимов в фантастических жанрах XX–XXI вв. по способу образования и функционированию в текстах.

Ключевые слова: *неомифоним, оним, апеллятив, мифоним, семантика.*

Фэнтези и фантастика – это жанры, появившиеся на основе мифов, сказок и легенд. Следовательно, в этих произведениях выделяются новые мифонимы, которые условно обозначим термином ***неомифонимы.*** Появившаяся потребность в этом термине обусловливает-

© Белоусова В.В., 2016

ся тем, что до XX в. фэнтези и фантастика не рассматривались как самостоятельные жанры.

Источниками исследования послужили серии романов Д.А. Емца «Таня Гроттер» и «Мефодий Буслаев», роман братьев А.Н. и Б.Н. Стругацких «Понедельник начинается в субботу», сборники «Инородные сказки» М. Фрая, романы Ю. Вознесенской «Юлианна, или Игра в киднеппинг» и «Юлианна, или Опасные игры», роман А.Д. Глуховского «Метро 2033», В. Лебедева «Рожденные ползать» и А.В. Мазина «Спящий дракон». Научной базой послужили труды Л.М. Борисенковой, Н.И. Егорова, А.А. Зализняк, Е.М. Лазаревича, Е.М. Мелетинского, Г. Пауля, В.Я. Проппа, Ю.Ф. Сергеевой и А.В. Суперанской.

Мифонимы рассматриваются нами как наименования мифических персонажей, схожие с именами людей [24]. В широком смысле под мифонимами понимается собственное имя вымышленного объекта в мифах, легендах и сказках [5]. Неомифонимы определяются по двум критериям – способу образования и функционированию.

Способ образования

А. *Морфологическая деривация.* Согласно утверждению Л.М. Борисенковой, по степени продуктивности и частотности не имеет себе равных морфологическая деривация. Дериват образуется на основе первичной лексической номинации в рамках узуальной словообразовательной модели, мотивирован базовой единицей и родственен ей как по формальному, так и по семантическому признаку [1]. Таким образом, в данной категории мы выделяем несколько способов образования неомифонимов.

1. Сложение основ поэтонимов. Это способ образования слова от двух и более основ с использованием интерфикса или без него. Примером является оним *Златокрылые* из серии романов Д. Емца «Мефодий Буслаев».

Златокрылые – эдемская гвардия. На шее у каждого есть тонкая цепочка с золотыми крыльями – высшая награда за мужество: *Для уважающего себя златокрылого лишиться крыльев было так же скверно, как для стража тьмы утратить дарх* [6, с. 16].

Неомифоним образовался путем сложения основ *-злат* ‘золотой’ и *-крыл* ‘Орган летания (у птиц, насекомых, а также у некоторых млекопитающих)’ [22] при помощи интерфикса *-о-*. Семантика неомифонима отличается от семантики составляющих его слов. *Златокрылые* в нашем случае – не ‘существа с золотыми крыльями’, а ‘стражи света с золотым украшением, указывающим на заслуги и статус хозяина’, т. е. апеллятив *златой* из категории ‘цвет, состав’ переходит в категорию ‘статус’. И апеллятив *крыло* выступает не в первичном значении ‘орган летания’, а во вторичном – ‘форма крыла (например, у украшения)’.

Хармшарк – северная акула с очень толстой шкурой и огромной зубастой пастью: *длинное черное тело, бивень длиной с половину весла <…> брюхо у него было белое, в продольных складках* [13]. Охотятся за нею ради бивня и плавников.

Неомифоним *хармшарк* образовался с помощью соединения основ иностранного происхождения (из англ.яз.): *харм* (harm) ‘вред, ущерб’ и *шарк* (shark) ‘акула’ [16]. *Хармшарк* – это не заимствование, т. к. в английском языке нет такого онима, но есть слова, основы которых были заимствованы для создания русского неомифонима.

Нами также отмечены неомифонимы, образованные сложением основ путем их соединения дефисом, как, например, в неомифониме *Баб-Ягун* из серии романов Д. Емца «Таня Гроттер». ***Баб-Ягун*** не имеет прототипа в литературе или фольклоре. Это сирота, сын магапроходимца и волшебницы. Его взялась воспитывать его бабушка Ягге: *Маленький Ягун, живой как ртуть, был любимчиком бабуси и большой проблемой всего остального Тибидохса* [7, с. 7].

Имя персонажа появилось через преобразования в плане словообразования и морфологии: первая его часть – производная от *баба*, на наш взгляд, образована при помощи нулевого суффикса; далее сменилась родовая отнесенность – принадлежность к мужскому роду; вторая составляющая имени – производное от *Яга* суффиксальным способом (*Яг-**ун***). В русском языке этот суффикс образует существительные со значением ‘лица по действию, характерному для него (бегун, крикун); животных по характерному для них признаку (грызун, скакун)’ [8]. Возможно, имя его бабушки *Ягге* стало позиционироваться как признак, который лег в основу именования героя – ‘внук, похожий на *Ягге*’ (т. е. на свою родную бабушку).

2. Сложение основы и суффикса. Суффиксальный способ оказался наиболее продуктивным в текстах разных авторов. Об этом свидетельствует тот факт, что мы не обнаружили в исследуемом материале ни одного неомифонима, образованного приставочным способом. В нашей картотеке содержатся неомифонимы с основами греческого, славянского и ирланд-

ского происхождения. При этом авторы исследованных произведений используют только русские суффиксы.

Сарданапал Черноморов – в книгах Д. Емца это первый ученик Древнира, бессмертный академик белой магии, сын дядьки Черномора, является главой Тибидохса и самым могучим белым магом после Ноя и своего учителя: *В камине главы Тибидохса Сарданапала Черноморова пылал огонь* [6, с. 6]. Прототипом героя является дядька Черномор – это упомянутый в сказке Пушкина «Сказка о царе Салтане» персонаж. Имя трансформировалось в фамилию за счет прибавления к основе *Черномор-* суффикса *-ов*.

Персонаж ***Аида Плаховна Мамзелькина*** имеет в качестве прототипов смерть с косой, древнегреческого бога Аида, плаху, прозвище «мамзель». Так как при создании неомифонима были использованы апеллятивы (смерть, плаха, мамзель) и оним (Аид), то образован он комбинированным способом.

Смерть с косой – персонификация смерти в виде некоей физической сущности. В славянской культуре смерть обычно изображается в виде скелета (или старухи) с косой, часто облачённого в чёрный балахон с капюшоном. *А.П. Мамзелькина* – персонаж, выполняющий его изначальную функцию смерти. Однако изображен в облике старушки с хорошим, но черным юмором и любящей выпить медовухи, «на плече у нее болтался здоровенный, видавший виды рюкзак, в который можно было упрятать целую дивизию. В руке она держала зачехленную косу»: *Давай, что ль, знакомы будем! Я Аида Плаховна Мамзелькина. У тебя визитка есть?* [Там же, с. 206]. Семантически персонаж остался отрицательным.

Имя *Аида* образовалось от онима *Аид* – в древнегреческой мифологии бог подземного царства мёртвых и название самого царства мёртвых. В данном случае можно отметить смену родовой отнесенности (с мужского рода на женский). В связи с этим изменилась и флексия: с нулевой на *-а*.

Плаха – большая деревянная колода, на которой в старину отсекали голову приговоренного к смертной казни, а также помост, на котором совершалась эта казнь [15]. Неомифоним образовался от апеллятива за счет суффикса *-овн-*.

Фамилия *Мамзелькина* произошла от апеллятива *мамзель* ‘1. То же, что мадемуазель. 2. Пренебр. Женщина, принадлежащая к театральной богеме или женщина легкого поведения’ [Там же]. Персонаж книги периодически кокетничает, разыгрывает сцены, для нее характерна игривая манера общения. Аида Плаховна ведет себя как юная девушка, заигрывающая с собеседником и применяющая в разговоре смягченные варианты слов, такие как, например, «сердечко трепещет», «тепленький», «сладенький».

Оним образовался с помощью суффиксов *-ин-* и *-к-,* который образует существительные, обозначающие лиц женского пола, от соответствующих имен существительных мужского (спортсменка, студентка); существительные (чаще женского, реже – мужского и общего рода) со значением уменьшительности, которая обычно сопровождается экспрессией ласкательности или уничижительности (*голо́вка, го́рка, дереве́нька*) [8].

3. Усечение основы + фонетические изменения. Прототип ***Ягге*** – Баба Яга. Баба Яга – «в славянской мифологии лесная старуха-волшебница, ведьма. Согласно сказкам восточных и западных славян, Баба Яга живёт в лесу в “избушке на курьих ножках”, пожирает людей» [19]. *Ягге* в романе Д. Емца – это богиня древнего расформированного пантеона, работает в магпункте. У Ягге есть избушка на курьих ножках. Светлая волшебница, постоянно вяжет различные вещи для своего внука: *Спицы в руках у Ягге описали укоризненный полукруг* [6, с. 20]. Здесь мы видим усеченную основу *Яг-* (от Яга) в сочетании с удвоенной согласной «г». Новое слово не склоняется.

Б. *Семантическая деривация (по классификации Г. Пауль).* Согласно трудам А.А. Зализняк, «этот термин является, по-видимому, наиболее удачным, – в частности, потому, что ценой довольно незначительного насилия он может быть применен не только к процессу, но и к результату, т. е. к конкретным фактам семантических переходов, каждый из которых может быть назван “семантической деривацией”» [9].

1. Сужение (специализация) – изменение, в результате которого родовое название становится названием для вида объектов, поскольку предметы, находящиеся в родовых отношениях, ассоциируются в нашем сознании.

Фэйри (в произведении Ю. Вознесенской «Юлианна, или Опасные игры») – агрессивные и глупые человечки с крылышками и острыми зубами, при этом пахнущие клопами: *Многим шотландским магам и фэйри пришлось бежать от преследований христианской Церкви в Шотландии* [3].

Фэйри – в фольклоре германских и кельтских народов (прежде всего – шотландцев,

ирландцев и валлийцев) общее наименование сверхъестественных существ. К фейри относятся эльфы и дини ши, Тилвит тег, Благой и Неблагий Дворы, феи, брауни и мн. др.

2. Расширение (генерализация) – изменение, в результате которого видовое название переходит в родовое.

2.1. Добавление новых сем.

Арей – его прототипом является бог войны Арес. Неомифоним образован от онима *Арес, Арей* (A r h z) – нелюбимый сын Зевса и Геры. «В отличие от Афины Паллады – богини честной и справедливой войны, Арес, отличаясь вероломством и хитростью, предпочитал войну коварную, войну ради самой войны. Негреческое имя бога свидетельствует о его фракийском происхождении» [10].

Арей – барон и первый меч мрака. Наставник Мефодия Буслаева, служит тьме, потому что презирает свет: *Арей поклялся нерушимой клятвой мрака, что они будут биться один на один и если сын Древнира победит, то его и отца отпустят* [6, с. 16]. Исходя из вышесказанного, можно выделить отрицательную оценочную сему неомифонима, т. к. персонаж во многом соответствует своему прототипу Аресу. Об этом говорят описательные именования самого бога (*нелюбимый сын, бог войны*) и яркие черты характера книжного героя (*первый меч мрака, презирает свет*).

2.2. Соединение поэтонимов.

Ангел ‘В религиозном представлении: сверхъестественное существо, посланец бога (изображается обычно в виде крылатого юноши)’ [22]. ***Ангел Хранитель*** ‘ангел, добрый дух, данный человеку Богом при крещении для помощи и руководства’.

Термины *Ангел* и *Ангел Хранитель* Юлия Вознесенская в своих произведениях использует как синонимы: *По небу полуночи Ангел летел, он очень спешил в город святого апостола Петра: на все хлопоты у Ангела была только одна эта ночь, совсем короткая белая ночь, ведь шел уже первый месяц школьных каникул. А дело было крайней срочности и важности: Ангел Хранитель должен был до утра выяснить, стоит ли одной хорошей псковской девочке ехать на каникулы к отцу в Санкт-Петербург* [2, с. 4]. Ангелы-хранители в ее произведениях носят имя человека, которого они защищают. Например, у девушки Александры Ангела зовут Александрос. Характеры таких ангелов-хранителей во многом схожи с характерами тех, кого они защищают. Так, антропоним (имя человека) придает мифониму *Ангел* новую сему: ‘похожий на человека, которого защищает’.

Домовой Михрютка в произведении Ю. Вознесенской – злобный бес, прислуживающий ведьме Жанне: *В ту же секунду заскрипела и отворилась решетка вентиляционного отверстия под потолком, и оттуда на пол свалился пыльный Михрютка. На такой небольшой высоте он не успел расправить крылья и довольно сильно ушибся, едва не переломав свои членистые лапы* [3, с. 10].

Мифоним *домовой* ‘домашний дух, мифологич. хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие’ [21] в соединении с антропонимом *Михрютка* ‘домосед, бирюк, мистрюк, нелюдим; прост. пренебр. О невзрачном, тщедушном человеке’ [22] становится неомифонимом, который означает ‘нелюдимый тщедушный домашний дух’.

2.3. Перенос названия на основании пространственных, временных или казуальных связей.

Неомифоним ***Горгона*** со значением ‘очень красивая девушка, в которую все влюбляются’. Это дочь кузнеца. У нее русые волосы и синие глаза. Встречается на страницах сборника М. Фрая «Русские инородные сказки – 7» и образовался по той же словообразовательной модели, что и в предыдущем примере, – от онима. По словам жителей деревни, она не убивает и не превращает людей в камень, просто они пропадают, посмотрев на нее. Так случилось и с главным героем в конце: *А Шурик заглянул в ее огромные синие глаза и понял, что пропал: Горгона перевернулась с живота на спину, села, растерянно огляделась, убрала со лба прядь темно-русых вполне себе волос, улыбнулась, продемонстрировав ямочки на щеках, и сказала: – Привет* [14].

Семантика слова изменилась за счет удаления из словосочетания *Медуза Горгона* первой части, что исключило из образа некоторые внешние признаки ‘змеи вместо волос, чудовище’. Героиня сохранила магические способности прототипа (‘люди пропадают, глядя на нее’), однако теперь она не превращает путников в камень. Это свойство персонажа следует рассматривать в частном, а не в главном значении. То есть слово *пропасть* использовано в значении ‘потерять голову’ и вместо того, чтобы превращаться в камень, жертвы остаются живы и застывают от восхищения.

2.4. Семантические изменения.

Ме́рлин — его прототипом является мудрец и волшебник из кельтских мифов Мерлин, наставник и советник короля Артура из британского цикла легенд о короле Артуре и

рыцарях круглого стола. Неомифоним произошел от онима.

Мерлин (Стругацкие «Понедельник начинается в субботу») – заведующий отделом Предсказаний и Пророчеств в НИИЧАВО: *Но тут раздался грохот, треск, сверкнуло пламя и запахло серой. Посередине приемной возник Мерлин* [23, с. 68].

От прототипа этому неомифониму досталась только часть семантики: персонаж связан с магией, пророчествами и предсказаниями. Но в остальном Мерлин у Стругацких вызывает улыбку и даже смех, он не серьезен и ведет себя как обыкновенный старик.

Функционирование в текстах (более, чем у одного автора).

Этот критерий важен для проверки авторских неомифонимов. Если онимы функционируют в фанфиках (фанатская литература, основанная на популярных книгах, фильмах и играх) или упоминаются в произведениях других авторов – значит, это уже не окказионализмы.

Вичухи (из книги А.Д. Глуховского «Метро 2033») — подвид птеродактилей. Летающее существо ростом до трех и более метров. Размах крыльев до четырёх метров. Весьма опасны. Гнездятся, как правило, на крышах, чердаках и в помещениях зданий на последних этажах. Довольно распространенный на поверхности Земли вид.

Названный оним используется в произведении В. Лебедева «Рожденные ползать». Этот роман написан на основе придуманного мира и бестиария романа А.Д. Глуховского «Метро 2033»: *На крыше происходила какая-то возня – там две вичухи боролись между собой за недавно пойманную добычу, огромного слизня, которому не посчастливилось оказаться на открытой местности* [12].

Итак, если *мифоним* (который существовал еще до появления русского фэнтези, т. е. до XX в.) претерпел морфологическую или семантическую деривацию и является частью фантастической литературы XX–XXI вв., значит, перед нами **неомифоним,** основанный на прецедентном тексте.

Если *оним* придуман современным автором и выполняет функцию мифонима, но используется более, чем одним писателем (т. е. вышел за рамки одного произведения, как это происходит с мифонимами из вселенной «Метро 2033»), значит, перед нами **авторский неомифоним.**

Рассматривая вышеперечисленные критерии, мы пришли к выводу, что неомифонимы – это переходный этап от окказионализма к мифониму. Чтобы правильно определить, выполняет ли окказионализм функции мифонима, рассмотрим несколько разновидностей последнего согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской:

– мифоантропоним – имя собственное человеческого существа в мифах, былинах, которое человек представляет себе как реально существующее (Прометей, Геркулес, Василиса Прекрасная);

– мифоперсоним – имя собственное персонажа, действующего в мифах, былинах, сказках (Солнце, Месяц, Горыныч, Гром-Молния, Кощей);

– мифотопоним – имя собственное географического объекта, который человек представляет себе реально существующим: Буян-остров, Смородина-река, река Лета;

– мифозооним – имя собственное животного, которое фактически не существует, но человек представляет его реальным (Царевна-Лягушка, змея Шкуропея, птица Сирин);

– мифофитоним – имя собственное растения, которое фактически не существует, но человек представляет его реальным (трава Нечуй-Ветер).

Если окказионализм, выполняющий функции мифонима, проходит проверку по одному из двух критериев (по способу образования или по функционированию в текстах), является именем собственным и обозначает вымышленный объект или существо (по Суперанской), значит, он становится неомифонимом. Если затем этот неомифоним получает широкое распространение и подвергается кодификации, тогда он становится мифонимом. Используя перечисленные критерии, мы обнаружили 85 неомифонимов, претерпевших морфологическую или семантическую деривацию, и 35 авторских неомифонимов, получивших распространение в произведениях других писателей.

Статистика показала, что наиболее продуктивным оказался способ образования. Этому критерию соответствует на 50 неомифонимов больше, чем критерию «функционирование в текстах». Этот факт демонстрирует большую потребность современных писателей в старых литературных традициях. Но появление экспериментальных жанров, слияние жанров, попытки искусства подчеркнуть хаос и неоднозначность современной жизни – все это породило искажение и переделку традиционных мифов на лингвистическом уровне. Согласно статистике, мы видим, что писатели стали реже придумывать собственные ми-

фонимы и все чаще обращаются к уже существующим, трансформируя их под современный язык.

Список литературы

1. Борисенкова Л.М. Морфологическая и семантическая деривация в когнитивном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2009.
2. Вознесенская Ю. Юлианна, или Игра в киднеппинг. М.: ЛЕПТА, 2006.
3. Вознесенская Ю. Юлианна, или Опасные игры. М.: ЛЕПТА, 2006.
4. Глуховский А.Д. Метро 2033. М.: АСТ, 2011.
5. Егоров Н.И. Мифонимы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=3301
6. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Маг полуночи: роман. М.: Эксмо, 2005.
7. Емец Д.А. Таня Гроттер и магический контрабас: роман. М.: Эксмо, 2003.
8. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа, 2000.
9. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
10. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Вече, 2010.
11. Лазаревич Е.М. Семантические изменения как источник формирования эвфемистических номинаций беременности (на материале английского языка) // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 86–88.
12. Лебедев В. Рожденные ползать. М.: АСТ, 2014.
13. Мазин А.В. Спящий дракон. М.: АСТ, 2011.
14. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Акад. проект, 2011.
15. Мюллер В.К. Полный англо-русский словарь. М.: Эксмо, 2013.
16. Пауль Г. Принципы истории языка / пер. с нем. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.
17. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
18. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2011.
19. Сергеева Ю.Ф. Семантическая модель мифонима в синхронном аспекте [Электронный ресурс]. URL: http://birmaga.ru.
20. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009.
21. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984.
22. Стругацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу. М.: АСТ, 2009.
23. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
24. Фрай Макс. Русские инородные сказки – 7. М.: Амфора, 2009.

* * *

1. Borisenkova L.M. Morfologicheskaja i semanticheskaja derivacija v kognitivnom aspekte: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Smolensk, 2009.
2. Voznesenskaja Ju. Julianna, ili Igra v kidnepping. M.: LEPTA, 2006.
3. Voznesenskaja Ju. Julianna, ili Opasnye igry. M.: LEPTA, 2006.
4. Gluhovskij A.D. Metro 2033. M.: AST, 2011.
5. Egorov N.I. Mifonimy. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2009 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=3301
6. Emec D.A. Mefodij Buslaev. Mag polunochi: roman. M.: Jeksmo, 2005.
7. Emec D.A. Tanja Grotter i magicheskij kontrabas: roman. M.: Jeksmo, 2003.
8. Efremova T.F. Novyj tolkovo-slovoobrazovatel›nyj slovar› russkogo jazyka. M.: Drofa, 2000.
9. Zaliznjak A.A. Semanticheskaja derivacija v sinhronii i diahronii // Voprosy jazykoznanija. 2001. № 2. S. 13–25.
10. Kun N.A. Legendy i mify Drevnej Grecii. M.: Veche, 2010.
11. Lazarevich E.M. Semanticheskie izmenenija kak istochnik formirovanija jevfemisticheskih nominacij beremennosti (na materiale anglijskogo jazyka) // Filologija i lingvistika v sovremennom obshhestve: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, fevral› 2014 g.). M.: Buki-Vedi, 2014. S. 86–88.
12. Lebedev V. Rozhdennye polzat›. M.: AST, 2014.
13. Mazin A.V. Spjashhij drakon. M.: AST, 2011.
14. Meletinskij E.M. Pojetika mifa. M.: Akad. proekt, 2011.
15. Mjuller V.K. Polnyj anglo-russkij slovar›. M.: Jeksmo, 2013.
16. Paul› G. Principy istorii jazyka / per. s nem. M.: Izd-vo inostr. lit., 1960.
17. Podol›skaja N.V. Slovar› russkoj onomasticheskoj terminologii. M.: Nauka, 1988.
18. Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. M.: Labirint, 2011.
19. Sergeeva Ju.F. Semanticheskaja model› mifonima v sinhronnom aspekte [Jelektronnyj resurs]. URL: http://birmaga.ru.
20. Slavjanskie drevnosti: jetnolingvisticheskij slovar› / pod obshh. red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2009.
21. Slovar› russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen›evoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Rus. jaz., 1981–1984.

22. Strugackie A. i B. Ponedel›nik nachinaetsja v subbotu. M.: AST, 2009.

23. Superanskaja A.V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo. M.: Nauka, 1973.

24. Fraj Maks. Russkie inorodnye skazki – 7. M.: Amfora, 2009.

Criteria of finding out neomythonyms in fantasy genres of the XX-XXI centuries

The article deals with the issues regarding the criteria of finding neomythonymsin fantasy genres of the XX–XXI centuries by the way it is formed and its functions in texts.

Key words: *neomythonym, onym, appellative, mythonym, semantics.*

(Статья поступила в редакцию 18.03.2016)

Н.Н. НАРТЫЕВ
(Волгоград)

РАННЯЯ ПОЭЗИЯ З. ГИППИУС КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕКАДЕНТСКИХ УМОНАСТРОЕНИЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭПОХИ «FIN DE SIÈCLE»

Рассматривается поэзия З.Н. Гиппиус 1880–1890-х гг., воспринимаемая сквозь призму духовно-интеллектуальных и художественных исканий «декадентской мадонны». Подчеркивается способность Гиппиус осмыслить и творчески воплотить бытийную проблематику российской действительности эпохи «конца века».

Ключевые слова: *декаданс, декадентство, «fin de siècle», «новое искусство», амбивалентность, дуализм, метафизика.*

Для З. Гиппиус, стоявшей у истоков русского литературного модерна, декадентство – необходимый этап на пути к «новому искусству». Выдвижение последнего на авансцену в представлении некоторых старших символистов (З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, в первую очередь) также не было главной и конечной целью. За новациями в литературе (культуре) ожидались масштабные и всеобъемлющие изменения в жизни российского общества в целом. При этом хорошо понималось, что серьезные перемены в обществе во многом зависят от самого человека – правда, не любого, а из генерации «новых» людей, на рубеже 1880–1890-х гг. только зарождавшейся.

Об утопичности подобного рода «проектов» говорить излишне. Важно другое. Значимые для общественного развития события происходили в интеллектуально-художественной сфере, лишь опосредованно связанной с российской действительностью. Искусство слова, ставшее более «персонализованным», глубоко личностным, оказалось способным по-новому воплотить актуальную проблематику индивидуальной и общественной жизни. У декадентов социальное (общественное) приглушено или даже вовсе заключено в скобки, акцент делается сугубо на проблематике единичного, индивидуального.

В творчестве Гиппиус 1880–1890-х гг. круг затрагиваемых вопросов индивидуального бытия необходимо воспринимать именно в контексте декадентских умонастроений тогдашней литературной эпохи. С другой стороны, «упадочнические» мотивы не следует буквально связывать с мироощущением поэта, тем более с его темпераментом и психикой. В широком смысле «упадочность» (трезвопессимистическое восприятие жизни) присутствует во всех периодах общеевропейской истории интеллектуально-художественного постижения действительности. На рубеже XIX–XX вв. «декадентские» мотивы в сгущенном виде отражали сущность негативных изменений, происходивших с человеком в цивилизованном обществе: прежде всего, рост безверия, апатии, растерянности, неуверенности и страха.

В порубежной России в условиях кризиса общественного сознания и традиционных нравственных норм жизнь отдельного человека заметно осложнилась и проблема индивидуального бытия стала одной из самых дискуссионных. Русская литература, с четкостью сейсмографа отреагировав на происходящее, занялась поиском «новой эмоциональной, социальной, философской опоры личности» [14, с. 73].

Специфическая особенность рассматриваемого периода заключается в том, что «споры и противоречия в общественной жизни <...> лежали в основе духовных поисков во всех областях, от сугубо литературной до остальных,

© Нартыев Н.Н., 2016